

Вторая жизнь

Автор:

[Татьяна Бродских](#)

Вторая жизнь

Татьяна Бродских

Есть ли жизнь после смерти? Судьба? Предназначение? Никто не может ответить на этот вопрос однозначно. А если ничего этого нет, то как назвать того, кто дает тебе еще один шанс прожить новую жизнь? Творец? Бог? А может быть, это был маг-мошенник? И как прожить эту новую жизнь правильно? Как не повторить тех же ошибок, если ничего не помнишь о прошлом? Особенно если у тебя два прошлого – одно у твоей души и другое у чужого тела. Могла ли Анна предположить, что ей суждено не только побороться в новой жизни за свое счастье, но и стать неугодной свидетельницей убийства, которое окажется первой ниточкой к окутанному тайнами заговору?

Татьяна Бродских

Вторая жизнь

Пролог

– Зачем ты согласился? – шептал один из двоих, присутствовавших в спальне молодой девушки. Он мог бы говорить громче, все равно она не могла бы его услышать: жило только ее тело, в то время как душа давно обитала в райских кущах или отправилась на перерождение. – Мы не можем им помочь, девушка практически мертва.

– Ты забыл, что нам уже заплатили? Или хочешь еще несколько лет придумывать, как получить этот артефакт, причем отданный добровольно? Не моя вина, что девчонка оказалась так слаба, – раздраженно ответил второй. Он не утруждал себя сдерживанием голоса, зачем, их язык не могут знать какие-то людишки.

– Если мы не вылечим девушку, это будет нарушением договора, тогда артефакт не подействует, – все больше нервничал первый.

– Лечить здесь уже нечего, мы вернем душу обратно в тело, я призову ее. Да, придется истратить весь резерв и даже у тебя позаимствовать, но лучше так, чем потом опять искать артефакт.

– У тебя ничего не выйдет! Ты не сможешь вернуть именно ее душу! – срываясь на визгливые нотки, заявил первый. – Ты хочешь поставить на карту дело нескольких десятилетий?

– Успокойся, я внимательно читал договор, если мы оживим девчонку, то он нарушен не будет, а для этого подойдет любая душа.

– А вдруг это будет душа мужчины? Ты об этом подумал?

– Идиот! Чему тебя только учили? У души нет пола – это кусочек сущности создателя, – отвесил подзатыльник первому более старший. – Я призову душу из небытия, у них уже нет воспоминаний о прошлой жизни. Зато у тела сохранилась мышечная память и подсознание. Дочка хозяев будет жить. Да, это будет не совсем она, но никто об этом не узнает. Вот увидишь, они даже не заметят разницы. Люди крайне примитивные создания, только единицы среди них видят ауры и владеют парочкой фокусов, при этом называют себя громким словом «маги». А потерю памяти будет легко списать на длительную болезнь. Они нам еще руки целовать будут, – самодовольно закончил речь старший из двух, чем заслужил восхищенный взгляд молодого ученика.

«Как же плохо! Давненько мне не было так хреново!» – мысли текли вяло, в голове стояла муть, во рту мерзкий привкус лекарств, а еще до невозможности хотелось пить. «Я заболела или выпила лишнего?» – почему-то память ускользала, не давая зацепиться ни за одно событие. Как будто все, что было до сегодняшнего дня, покрылось туманом, изредка там мелькал краешек чего-то, но только стоило мне сосредоточиться, как все опять терялось.

«Так, надо встать и хотя бы утолить жажду», – этот сушняк сбивал меня с мыслей. Принять решение было легко, но исполнить его не получалось. Сначала я запуталась в одеяле, потом долго искала, где у кровати конец, пока не уткнулась носом в штору и не свалилась на пол вместе с ней. К тому времени я совершенно выбилась из сил, все тело покрылось потом, руки дрожали, а сердце лихорадочно билось в груди.

«Нет, это явно не с перепоя, да я же и не выпью такое количество», – я сидела у кровати, прислонившись к ней спиной, в надежде, что сердце перестанет выпрыгивать из груди и мне удастся встать. Подняться получилось только с третьей попытки и то, держась за еще одну штору. Из памяти выплыло название «балдахин», и зачем оно мне, собственно, нет бы, что-нибудь стоящее вспомнить. Ноги не хотели слушаться, подкашивались, дрожали не меньше, чем руки, но не садиться же обратно, если я уже встала, да и пить очень хотелось. Почему-то у меня не возникло мысли позвать кого-нибудь на помощь, но об этом я подумала позже, тогда же все мои мысли были о воде, а она есть в ванной комнате. Дав себе установку, я побрела на ее поиски, придерживаясь сначала кровати, а потом стены.

Полумрак меня не смущал, окружающее пространство меня не интересовало, мозг вяло поддакнул, как бы говоря, что мы там не видели. Действительно, раз я здесь, значит, комната моя или нет? Логика потерялась там же, где и память, ладно, буду считать, что я дома, вот и ванная нашлась с первого раза. Утренний сумрак проникал через большое окно, здесь было светлее, чем в комнате. Хм, а может, я все-таки не дома? Я с сомнением уставилась на чугунную ванну на гнутых ножках в форме лап льва, что-то я не припомню у себя такого раритета. Ладно, это потом, а сейчас водичка. Да где же кран с водой?! Я помню, что из-под крана пить нельзя, но мне сейчас не до абстрактных микробов.

Как назло, крана не было, слив у ванны был, а труба, откуда должна поступать вода, нет. Что за глюк? Забыли сделать или ремонт какой-нибудь затеяли? Я еще раз оглядела комнату: ванна, унитаз, стилизованный под древний, но вполне

изящный, столик с зеркалом, на нем фаянсовый тазик и кувшин. Кувшин! Дай бог, чтобы там была вода, и муки мои были ненапрасными. Я, опять же по стеночке, доползла до вожделенного предмета. Небо или боги надо мной сжалились, вода в кувшине была! Поднять его у меня не хватило сил, тогда я просто его наклонила, подставив под струю рот. Какое же это блаженство! В моей жизни не было прекраснее момента, мне так кажется. Я захлебывалась, давилась, больше половины проливая на ночную рубашку, но мне было все равно, вода давала мне силы.

Тут послышался визг, такой пронзительный и громкий, что я невольно схватилась за голову, выпустив из рук кувшин. Он, потеряв устойчивость, упал и разбился. Вода растеклась по полу, заполняя канавки между мозаичной плиткой, и я без сил опустилась на нее. Дверь открылась и в нее ворвалась молодая дородная девица, весьма решительно настроенная. Но, заметив меня, растеряла свой воинственный пыл, запричитала, заохала, что-то у меня настойчиво спрашивая, я же ее не понимала. Вроде слова были знакомы, а смысл уловить не удастся, может, у девушки что-нибудь с дикцией? Не добившись от меня ничего, девица куда-то умчалась. Ну и пусть идет, с разбившимся кувшином пропал стимул шевелиться и что-то делать. Я сидела на мокром полу, привалившись спиной к стене, полностью погасить жажду не удалось, но мне существенно стало легче, утихла головная боль, пропал мерзкий привкус во рту, только слабость еще давала о себе знать, мне бы поспать немного. Глаза сами закрылись, отрезая меня от странной реальности, так похожей на сон или все же наоборот?

* * *

Второй раз я очнулась от того, что какая-то женщина рыдала на моей груди. Я лежала в кровати, опять укрытая этим тяжелым одеялом. Изверги, и так воздуха не хватает, а они еще балдахин обратно повесили, хоть бы постирали его. Кто были те люди, которых я в душе обзывала извергами и садистами, не знаю, возможно, рыдающая женщина одна из них. Я пошевелилась, стараясь выбраться из ее цепких объятий, она вскинула голову, уставившись на меня огромными голубыми глазами, полными слез.

– Доченька, очнулась?! Святая великомученица, какое счастье! – вскрикнула она, с новой силой наваливаясь на мой многострадальный организм. Постойте, она сказала «доченька»? Впервые вижу эту женщину, может, она не в себе? Я

скривилась. Не люблю, когда меня трогают посторонние люди, женщина это заметила и поспешно отодвинулась.

– Прости, милая, я совсем тебя придавила, но это от счастья. Когда мне сегодня сказали, что ты пришла в себя и даже вставала, я не поверила, думала, меня обманывают, из благих побуждений, конечно, чтобы я не теряла надежду.

Тут дама опять всхлипнула.

– Какая может быть надежда, если ты два года угасала на моих глазах, моя кровиночка, мое единственное дитя. А эти последние три месяца, которые ты провела в бессознательном состоянии? Я каждый день боялась, что мне принесут страшную весть. Но теперь все будет хорошо, правда? Может, тебе чего-нибудь принести, попить или кушать?

Я молча закивала, надеясь, что эта странная женщина уйдет, и я смогу спокойно все обдумать. В первую очередь то, что я так и не вспомнила ни имени, ни лица своей матери.

– Надька! Где тебя черти носят? – голос у дамы оказался громкий настолько, что у меня заложило уши. В пределах моего взгляда появилась знакомая девица с виноватым выражением лица. – Быстро принеси для госпожи морса и съестного, на кухне должны знать, что подать, доктор оставлял им рекомендации. Да, и отправь Проньку за господином Корвусом. Милая, тебе еще что-то нужно?

– Да, – прохрипела я, во рту опять пересохло, говорить было тяжело. – Пусть откроют окно, дышать нечем, и балдахин уберут, он пыльный.

Дама опешила, не знаю, каких просьб она ожидала, а может вопрос был задан из вежливости, но уже через несколько секунд она справилась с собой, принюхалась к балдахину, чихнула и побагровела, переведя убийственный взгляд на служанку.

– Сейчас все сделают, радость моя, – она встала и вышла из комнаты, за ней следом плелась бедная Надька, у которой начался нервный тик.

Как оказалось, не зря: из-за двери раздались крики и топот, кричала, используя красочные эпитеты, все та же мадам, а топот, наверное, принадлежал тем, кому эти идиоматические выражения предназначались.

Буквально через пять минут в мою комнату – я уже привыкла считать ее своей – набилась куча народу. Они вытирали пыль, мыли, сняли шторы с окон и балдахин. А какой-то крупный детина подхватил меня на руки вместе с одеялом и куда-то понес.

– Надька, иди, помоги своей госпоже устроиться удобнее в моей комнате, там и покормишь ее, – давала распоряжения неизвестная дама, считающая себя моей матерью. – Милая, это временная мера, сейчас эти бездельники наведут порядок, и ты вернешься в свою комнату. Надеюсь, Наденька не даст тебе скучать.

Последняя фраза была произнесена таким тоном, что на месте Наденьки я стала бы заикаться. Но проблемы девушки меня не волновали, своих хватает, точнее, пока проблема была одна: как ни пыталась я хоть что-то вспомнить, у меня ничего не получалось, как будто я не жила до сегодняшнего утра. Возможно, выводы делать еще рано, слишком мало данных, но у меня закралось смутное подозрение: либо я сошла с ума, либо все остальные.

Комнаты мадам были светлые и довольно изысканно обставленные: гостиная, точнее будуар и спальня. На мой вкус было многовато золотого и красного цвета, я бы предпочла более спокойные тона. Наденька, радуясь, что вырвалась из-под неусыпного взора мадам, кормила меня супом-пюре, вкус которого не определялся, и щебетала о последних новостях. Кто на ком женился, у кого уже появились дети. Она сыпала именами, которые мне ни о чем не говорили. Она хочет пересказать все, что случилось за два года? Хотя ее можно понять, попадаться под горячую руку той даме не хотелось даже мне. Когда с едой было покончено, а на меня опять напала знакомая осоловелость, я, сдерживая зевоту, попросила у девушки зеркало. Она тут же сходила за небольшим зеркальцем и вручила мне, а я с некоторой опаской заглянула в него.

Оттуда на меня смотрела миловидная девушка с точно такими же глазами, как у мадам. Сомнения в родстве отпали, стало быть, с ума сошла все-таки я. Что ж, этого и следовало ожидать. Я внимательно разглядывала свое отражение: большие ярко-голубые глаза, очень светлые, почти белые волосы, брови и ресницы, курносый носик, пухлые губки, этакое воплощение невинности и

чистоты. Фу, никогда не любила такой типаж, я скривилась, зеркало отразило недовольную гримасу. На милом личике она смотрелась инородно. Вывод: я симпатичная, и это неплохо, было бы хуже, если бы болезнь меня обезобразила, но и не красавица. Единственная выразительная часть на лице – это глаза, надо только с взглядом потренироваться, а то он у меня какой-то тоскливый.

Еще я обратила внимание, что хоть мы с мадам очень похожи, есть и отличия. Во-первых, цвет волос, у нее они русые, во-вторых, форма губ, у нее они тонкие и капризно изогнутые, а еще у меня есть ямочка на подбородке. С другой стороны, должна же я что-то и от отца взять, его я тоже не помнила, впрочем, как и свое имя. Впору было впадать в панику, но организм был против новых стрессов, поэтому быстренько отключился.

* * *

В третий раз меня разбудили довольно бесцеремонно, подсунув под нос что-то с резким запахом. Я отстранилась, открывая глаза, надо мной склонился седовласый старичок, еще крепкий на вид, с ясным умным взором.

– Миледи, мое почтение, – он склонил голову, внимательно меня разглядывая. – Я счастлив, что известие о вашем чудесном выздоровлении не оказалось досужим слухом.

– Кто вы и зачем совали мне под нос эту гадость? Я спала, а не была без сознания, – старичок производил впечатление разумного человека, может, хоть он назовет меня по имени.

– Вы меня не помните? – несколько удивился он. – Я ваш семейный доктор, я присутствовал при вашем рождении, миледи, и на протяжении двадцати лет следил за вашим здоровьем, а также за здоровьем всех обитателей этого дома. Странно, что вы меня не помните. Что еще вам не удастся вспомнить? Так понимаю, не только я кажусь вам незнакомым человеком?

Доктор – это хорошо, кому как не ему разбираться в этой проблеме.

– Я ничего не помню, даже своего имени, – призналась эскулапу.

– Ну что вы, так не бывает, вы же говорите, не путаете название предметов. То есть у вас задета только та часть мозга, где хранилась личная информация. Могу вас успокоить, такая форма амнезии вполне естественное осложнение после той болезни, что вы перенесли, и она обратима. Пройдет какое-то время и память вернется, уверяю вас. А теперь мне нужно вас осмотреть, чтобы назначить восстановительное лечение.

Осмотр доктора не затянулся: он измерил мне пульс, заглянул в рот, глаза, ощупал живот.

– Все в пределах нормы, если не считать общей слабости. Но это дело поправимое: хорошее питание, разумная нагрузка, крепкий сон и через пару месяцев вы будете полностью здоровы, – улыбнулся старичок. Он мне нравился, вызывал доверие.

– А когда мне можно будет выходить на улицу?

– На улицу? Вы имеете в виду выходить на прогулку? Думаю, недели через две, сейчас поздняя осень, грязь, слякоть, для здоровья такая погода бесполезна. А вот когда подморозит, можно будет выходить, сначала ненадолго. Вы должны понимать, что только встали на путь выздоровления, поэтому во всем должна быть мера. Еще я сообщу миледи, что у вас провалы в памяти, но не буду ее расстраивать, что вы и ее не помните. Надеюсь, вы пойдете мне навстречу и сохраните эту маленькую недосказанность в тайне. Ваша мать очень чуткая и ранимая женщина, у нее слабое сердце, не хотелось бы, чтобы она опять страдала.

Особой ранимости и чуткости я не заметила, но кивнула в ответ, мне нетрудно немного лукавить. Ведь память может вернуться, доктор же обещал, и будет очень неловко, если я сейчас буду обращаться с родными грубо и холодно.

– Извините, а как мне обращаться к миледи? А еще вы не могли бы назвать имена моих родителей и мое заодно? – вспомнила насущный вопрос.

– Миледи зовут Алисандра Монфри. Милорда маркиза, вашего отца, Рейгар Монфри, а вас называли в честь бабушки, мир ее праху, Рибианна.

– Как? – мне показалось, что я ослышалась.

– Рибианна, – повторил доктор, улыбаясь. – Слуги обращаются к вам «маленькая леди» или «госпожа Риби», миледи часто зовет Рыбонькой и другими ласковыми словами. Вы называли ее маменька или миледи.

Полный кошмар, я еще и «рыба» для родственников.

– Дайте угадаю, я скромная, застенчивая девушка без собственного мнения и всегда делаю то, что скажут родители?

– Вот видите, я же говорил, что память начнет к вам возвращаться, – обрадовался эскулап.

Тут он ошибся, память ко мне не вернулась, но выводы я кое-какие сделала. И уже не так расстраивалась, что ничего не помню, может, это мой шанс начать жизнь с нового листа. Если родственники надеются, что им удастся вернуть ту кроткую овечку, то зря. И начну я с малого – никаких больше «маленьких леди» и «рыбок».

– А день рождения у меня когда?

– Третьего дня Стуженя месяца вам исполнится двадцать один.

– Это много или мало? – у меня не получалось сориентироваться с возрастом. Глядя в зеркало я видела молоденькую девушку, но озвученный возраст ассоциировался с замужеством и детьми.

– Как сказать, девушек из благородных семейств выдают замуж лет в семнадцать-восемнадцать, а деревенских и того раньше. Так что, наверное, много, но вы всегда были слабы здоровьем, да и миледи в вас души не чаяла. Вот и не выдали вас замуж в положенное время, а потом вас подкосила затяжная болезнь на два года. Но не расстраивайтесь, выздоровеете, и родители найдут вам достойного супруга. Я вас утомил, отдохайте, рекомендации я оставлю миледи Алисандре.

– Подождите, а как зовут вас?

– Доктор Корвус, – точно, именно эту фамилию озвучивала маман, называть хозяйку дома «маменька» язык не поворачивался, наверное, ограничусь формальным «миледи».

– До свидания, доктор Корвус. Надеюсь, вы будете заходить чаще, у меня еще много вопросов, – улыбнулась старичку.

– Я рад, что болезнь вас пощадила. Память – это самое незначительное, что она могла забрать, – позже надо будет выяснить все про эту таинственную болезнь. Почему никто не говорит ничего конкретного о ней? – Всего вам доброго, выздоравливайте.

* * *

И потянулись скучные, однотипные дни. Выходить из комнаты мне не разрешали, мотивируя тем, что доктор велел лежать две недели. На мое заявление, что доктор запретил выходить на прогулку в ближайшие две недели, а не из комнаты, никто не реагировал, отвечая, что это распоряжение миледи. Разговора с ней тоже не получилось. Когда я попыталась настоять на своем и все-таки покинуть комнату, чтобы осмотреть хотя бы дом, маман залилась горячими слезами, схватилась за сердце, имитируя приступ. В общем, я из больной резко превратилась в черствую, неблагодарную дочь, которую миледи собственноручно спасла от смерти, недосыпая и недоедая, подорвав при этом свое и без того слабое здоровье. И если я хочу ее смерти, то могу идти на все четыре стороны, но дверь все же за собой она закрыла на ключ. Сломать крепкую дубовую дверь я бы не смогла даже будучи в полном здравии, а за окном потихоньку наступала зима, так что побег откладывался до теплых времен, возможно, к тому времени миледи успокоится, и материнский инстинкт не будет замещать ей здравый смысл.

Примерно через две недели я удостоилась чести познакомиться с отцом. За это время мои познания в окружающем мире не продвинулись, если не считать того, что я заочно знала всех слуг и половину жителей окрестной деревни, благодаря Наденьке. В тот день я как раз сидела в кресле у окна, любуясь на первый снег, мягкий, пушистый, он падал крупными хлопьями, хотелось выйти на улицу, ловить ртом снежинки или слепить снеговика. Я слышала, как щелкнул замок, и дверь открылась. С недавних пор меня все время запирают, наверное, боятся, что я убегу от такой заботы. Вообще-то правильно боятся, еще несколько недель

взаперти, и я начну всерьез продумывать план побега. Оборачиваться было лень, да и неинтересно, ничего нового я бы там не увидела.

– Доченька, поздоровайся с бабушкой, – зашебетала миледи Алисандра. Иногда мне кажется, что она считает меня отсталой в развитии или не старше лет пяти.

Я обернулась, но вставать не стала, они же считают меня больной, вот и буду сидеть, а реверансы пусть сами себе делают. Рядом с маман стоял высокий подтянутый Лорд, именно так, с большой буквы. Теперь я знала, в кого у меня такой цвет волос, он производил впечатление вылепленного из снега: белые волосы, кожа и глаза то ли светло-серые, то ли светло-голубые. Разительным сходство со снежной фигурой делал контраст одежды, она была вся черная. Вдобавок холодное выражение лица: ни тебе радости от встречи с дочерью, ни просто участия, что увидел ее живой и здоровой.

– Добрый день, дочь. Как твое здоровье? – не дождавшись моего приветствия, он обратился ко мне первый. Я не собиралась его игнорировать, просто засмотрелась, ища между нами возможное сходство.

– День добрый, милорд, – так же равнодушно, как и он, поприветствовала его, не обращая внимания на закатывающую глаза миледи. Она явно делала мне какие-то знаки из-за спины милорда. – Здоровье уже лучше, видимо, поэтому меня закрывают, наверное боятся, что я поврежу себе что-нибудь на радостях.

Я смотрела ему в глаза не отрываясь, хотела не пропустить ни одной эмоции, если он на них способен, конечно. И мне это удалось. Он ухмыльнулся уголком рта, сказав:

– Раньше ты любила проводить все дни в своей комнате, что же изменилось сейчас?

– Я не помню, чем любила заниматься, поэтому сейчас мне скучно. Я хотела бы посещать библиотеку, чтобы быстрее вспомнить то, что забыла из-за болезни.

– Хорошо, это можно, впредь можешь ходить по дому, где вздумается.

– Дорогой, Рыбонька еще так слаба, я думала дать ей возможность окрепнуть, скажем, месяца через два она бы вполне могла бы спустаться в гостиную.

При слове «рыбонька» меня перекосило, что не осталось незамеченным милордом, он сощурил глаза, разглядывая меня, как какую-то диковинку.

– Сидя в четырех стенах окрепнуть невозможно, – проговорил он, ставя точку в несостоявшемся споре. – И пригласи учителя этикета, я хочу, чтобы моя дочь в первую очередь вспомнила хорошие манеры. И портного тоже, то, что надето на ней, никуда не годится. Думаю, несколько новых платьев исправят положение и порадуют дочь.

Миледи закивала головой. Видимо, аудиенция была закончена, потому что они, не попрощавшись со мной, пошли на выход. Это у меня-то плохие манеры? На свои пусть посмотрят. Но прижимистая жилка во мне заставила высказаться.

– Не надо новых платьев, через пару месяцев они станут малы, – заметив недоуменные взгляды обоих, решила пояснить: – За время болезни я сильно похудела, но со временем объемы вернутся. И покупать платья сейчас – это выкинуть деньги на ветер. Пусть портной перешьет несколько старых, а то у Нади это не очень хорошо выходит.

– Это разумно, – через несколько минут высказался Снежный Лорд.

– Но, милый, они же вышли из моды, – попыталась вмешаться маман.

– Неважно, ее здесь никто не видит и не увидит в ближайшие полгода, а перед балами закажем сразу для вас двоих по последней моде, – он позволил себе слегка улыбнуться. Миледи Алисандра расплылась в счастливой улыбке, было непонятно, чему она так обрадовалась: то ли мимолетному ласковому взгляду супруга, то ли предстоящим балам.

– Я рад, что у меня выросла такая разумная дочь, не то, что эти столичные легкомысленные девицы.

Судя по изумленному взгляду матери, милорд редко кого хвалил.

* * *

Милорд отец ненадолго задержался в собственном поместье, и уже через пару дней отбыл обратно в столицу, все-таки он занимал пост одного из советников короля. Когда я спросила, по каким вопросам он советует, глаза маман округлись от удивления больше обычного, ответ её был поистине гениален: «Что король спросит, то и советует».

Поняв, что ничего умного от нее не узнаю, я решила добывать информацию сама. Так как милорд позволил мне бывать везде, где вздумается, то первым делом я наведальась в библиотеку. Что я могу сказать – печальное зрелище, из полезного только свод законов нашего королевства, да парочка исторических книжек и штук десять любовных романов. Свод законов стал моей настольной книгой, а исторические хроники удостоились беглого просмотра. Кажется, раньше история тоже меня не интересовала. Следующим набегу подвергся кабинет милорда, вот где я застряла надолго. Помимо изучения генеалогического древа, которое насчитывало двадцать одно поколение предков, меня увлекли финансовые документы поместья. Конечно, их сложно было назвать финансовыми, так, книги приходов и расходов, но это было уже кое-что, хоть не помру от скуки за долгую зиму.

Довольно быстро я обнаружила, что наш управляющий подворовывает, понемножку, но это дало мне в руки неиссякающий источник информации. Потихоньку добилась того, что стала вести большинство дел, связанных с поместьем. Для миледи подкинула немного лести, сказав, что хочу стать образцовой женой, как она, чтобы с честью представить наш многовековой род. Маман прослезилась и больше не приставала, что финансовые дела не для женского ума. Я же стойко сносила обязательные уроки этикета и танцев. Хоть я многое и забыла, но память тела осталась, это особенно замечалось в танцах. Стоило мне расслабиться и перестать контролировать руки и ноги, как у меня получалось само собой.

Иногда я закрывалась в музыкальной комнате, садилась за рояль и отдавалась во власть настроения, не смотря на клавиши, просто живя душой в тот момент. Я парила во власти нот, отдаваясь им, изливая все свое одиночество и тоску о чем-то необъяснимом. Не знаю, что это было, ведь я наоборот практически никогда не находилась одна, даже в комнате и это жутко раздражало. Наденька ночевала у меня, ее кровать стояла за ширмой около двери, когда я заикнулась, что уже вполне здорова и не пора бы девушке вернуться спать к себе, она очень

удивилась. Потом улыбнулась, сообразив, что я так говорю по забывчивости. Если я правильно поняла ее объяснения (Надя любила перескакивать в рассказе с одного на другое), мне предстоит делить с ней комнату до тех пор, пока я не выйду замуж. То есть она приставлена следить за моей целомудренностью. На мой вопрос, что она сможет сделать, если ко мне в комнату вломится насильник, девушка растерялась и захлопала глазами. Но потом все же ответила, что за этим следят охранники поместья, а она следит, чтобы я не принимала в своих покоях тайных поклонников.

Кстати о поклонниках, соседи прослышали о моем чудесном выздоровлении и повадились наносить визиты, неофициальные конечно. Ведь до представления на ежегодном Королевском Балу я вроде должна была быть «больна». Это делалось потому, что Король первым должен быть в курсе всех событий, происходящих в его владениях, тем более я единственный ребенок третьего по древности рода в нашем государстве. К чему я это рассказываю? Так все дело в поклонниках, одним из которых был сын хорошей подруги маман, миледи Элизы, их поместье граничило с нашим на севере. Молодой человек со звучным именем Эльдар был нескладным прыщавым подростком семнадцати лет. Высокий, сутулый, он забавно краснел, стоило мне на него посмотреть. Единственное что мне в нем нравилось – это голос, когда он пел под мой аккомпанемент, нас сбегались послушать все присутствующие в поместье, а наши матери утирали слезы, тайком переглядываясь и подмигивая друг другу. Возможно, Эльдар не понимал, к чему все эти встречи, и что задумали наши маменьки, но мне все было ясно, они в мечтах видели нас мужем и женой. Парнишка он в принципе был неплохой, когда избавлялся от своей стеснительности, но это же не повод выходить за него замуж. С другой стороны, если сравнивать его с двумя привлекательными, но обедневшими дворянами, между прочим, двоюродными братьями, то лучше уж за Эльдара выйти замуж. Потому что прыщики пройдут, а вот когда на тебе хотят жениться из-за титула и приданого, то такое отношение к тебе останется до конца жизни, возможно недолгой.

Глава 2

Полгода пролетели, понемногу я смогла приноровиться к новой жизни. За прошедшее время я так ничего и не вспомнила из прошлого, но иногда все же говорила обратное, не хотелось лишней раз расстраивать маменьку. Да-да, я даже стала ее так называть, правда, в обмен на то, что она перестанет звать

меня «Рыбонька», у меня рыба ассоциировалась с мокрым, скользким и глупым существом, но никак не со мной. Слуги за эти полгода тоже привыкли называть меня «миледи Рибианна», а Наденьке я разрешила называться себя госпожа Анна. В целом моя жизнь наладилась. Спустя два месяца после того памятного утра, когда я очнулась в первый раз, меня стали выпускать на свежий воздух. Не буду рассказывать, сколько одежды на меня тогда надели, но все же этот выход состоялся, и я смогла насладиться недолгим видом заснеженного двора. Постепенно миледи успокаивалась, видя, что я не боюсь, не падаю в обморок, не хандрю, и прогулки мои становились более долгими. А недавно маман заявила мне, что надо поменьше кушать, потому что нынче в моде девушки утонченные, возвышенные, слабые, чтобы у мужчины возникло желание ее защищать. Это ее замечание еще больше утвердило меня в мысли, что этим летом меня планируют выдать замуж.

Вообще-то, проживая с маменькой полгода, я уже хотела замуж, более того, я согласна была даже на Эльдара, если бы только жить мы стали отдельно и как можно дальше от родителей. Но это были мечты, а реальность такова, что выйдя за него замуж, я помимо своей маменьки обретала еще и его, одним словом, кошмар. Вывод: надо искать сироту и чтобы поместье его было в другом конце страны. О любви я даже не мечтала и так понятно, что моего желания никто спрашивать не будет, но заняться поиском достойного жениха все же стоило. А на замечание маменьки о моем несоответствии канонам моды, я не реагировала, меня свое отражение в зеркале устраивало. Не всем же быть костлявыми и бледными. Да и толку ничего не есть, на мне и так женятся: приданое большое, единственная наследница титула, который я впоследствии смогу передать своему сыну. Спрашивается, какой толк тогда мучить себя диетами?

До столицы мы добирались два дня, могли бы и быстрее, но миледи в карете укачивало и нам приходилось частенько останавливаться. Я радовалась, всю поездку сидела у окна и смотрела на проплывающие мимо деревни, городки и просто пейзажи. Маман же всю дорогу жужжала над ухом, что меня продует, что смотреть там не на что, а солнечный свет слепит ей глаза, что благородные девушки не ведут себя как селянки, не выглядывают в окно с открытым ртом. И много чего еще говорила, но я уже привыкла кивать, при этом игнорируя большую часть ее слов.

Мне нравилось абсолютно все: цветущие деревья и кусты, солнце, пение птиц и даже лужи на дорогах после дождя, в одной из них мы простояли часа два,

прежде чем вытащили нашу карету. Зато я смогла обойти всю деревню, поговорить со старостой, посмотреть с ним, куда он потратил деньги, выделенные лично мной на ремонт этой самой дороги еще месяц назад. Староста валялся у меня в ногах, просил сохранить ему жизнь, клялся и божился, что все вернет, а дорогу отремонтирует за свой счет. Думаю, на такую его реакцию повлияли два добрых молодца за моей спиной и бледный заикающийся управляющий помещьем. Заикаться он стал недавно, как только я нашла неопровержимое доказательство его воровства. А когда я настояла, чтобы он поехал с нами в столицу, дабы отчитаться перед милордом, он окончательно раскис. Сдавать я его не собиралась, он был не так уж плох, но припугнуть стоило, чтобы не расслаблялся, а то выйду замуж, уеду, а он оберет моих родителей.

Так что, дав задание управляющему на обратном пути проследить за выполнением взятых на себя обязательств старостой, мы поехали дальше. А старосту я предупредила, если в течение месяца он все не исправит, то его повесят за воровство, а имущество пустят с молотка. Это было не мое самоуправство, а законы нашей страны.

Столица встретила нас небольшим весенним дождиком, каменными мостовыми и редкими прохожими. Наш дом был в самом центре, недалеко от дворца короля Августяна, оно и неудивительно, ведь мы находимся с ним в родстве. Дом поражал своим видом: высотой в три этажа, с башенками, балконами, террасой и лепниной. А также со своим садом и конюшней, это такое поместье в миниатюре, только внутреннее убранство богаче. Едва мы вошли в дом, то почти натолкнулись на очень старенького деда, не успела я подумать, кто это, как он ехидно глянул в нашу сторону и произнес:

– Невестушка дорогая приехала, как дорога? Надеюсь, тебя укачало?

– Герцог Анзорский, добрый вечер, как ваше здоровье? – присела в реверансе маман, дернув меня за рукав. Если я правильно поняла, то это мой дед по отцу.

– Не дождетесь, драгоценная моя, – усмехнулся герцог и перевел взгляд на меня. – А это кто у нас? Неужели Рыбка так выросла?

– Деда! – кинулась я на него с объятиями, чем повергла его в шок. – Вообще-то я вас не помню, но может, мы уже поднимемся в наши комнаты? А то так прилечь хочется, что живот от голода к позвоночнику прилипает.

Миледи охнула, прикрыв рот ладошкой и округлив от ужаса глаза, а дед расхохотался, громко, с хрипотцой. Он мне уже нравился, кажется, я нашла нормального члена семьи в нашем роду.

– Вот теперь я вижу, что тебя не зря называли Риббианной, она тоже была остра на язычок, – отсмеявшись, сказал дед, а глаза его подернулись поволокой, как это бывает, когда вспоминаешь о чем-то грустном.

– Жаль, я ее не помню, но вы же мне расскажете? – спросила я у старого герцога.

– Тебе хочется слушать брюзжание старого маразматика? Никогда в это не поверю. Молодежи подавай балы, платья по последней моде, да деньгами сорить. Нет бы научиться их зарабатывать. Пока не забыл, Алисандра, ты управляющего поместьем сменила?

– Нет, милорд. Почему вы так решили?

– Странно, у вас повысились доходы за последние месяцы и существенно сократились расходы, я доволен.

– Лучше спросить у Рибби, всеми финансами она занималась.

Я демонстративно зевнула и оперлась на перила лестницы, сделав несчастный вид измученного дорогой ребенка, готового упасть в обморок от голода. Дед проникся, отдал распоряжения слугам, которые толклись неподалеку, и нас повели наверх. За мной следом шла Наденька и несла весь мой скарб, впрочем, его было немного, миледи принципиально не стала брать ничего лишнего, помня об обещании отца купить нам новые платья.

– Фух, – выдохнула Надя, когда за нами закрылась дверь. – В этот раз совсем недолго ждали. Старый герцог очень любит задавать вопросы. Бывало, по два часа стояли внизу, а он все спрашивает миледи, да спрашивает.

* * *

С каждым днем дед мне нравился все больше и больше, у нас с ним нашлись общие интересы, а именно финансы. Спустя неделю мы понимали друг друга с полуслова. А после того, как он на очередном семейном ужине во всеуслышание сказал, что теперь ему не страшно умирать, что семья с такой наследницей, как я, точно не пойдет по миру, проникся даже отец. Эх, еще бы не висела над моей головой свадьба, жизнь бы была прекрасна. Но свадьба не просто висела, а маячила в близкой перспективе, причем родители подыскали мне жениха. Никаких эмоций по этому поводу я не испытывала, изменить-то все равно ничего нельзя.

Эмоций не было ровно до знакомства с предполагаемым женихом. Почему предполагаемым? Все просто: надо было получить одобрение короля, а только потом объявлять о помолвке, то есть данное мероприятие могло состояться не раньше открытия Королевского Большого Бала. Так вот о женихе – это было нечто бледное, тощее, в парике и при макияже, но больше всего меня добил веер в его утонченных руках. Я подавила брезгливую гримасу, вдруг он человек хороший, нельзя же так негативно реагировать. За вечер, проведенный в его обществе, мне этого понять не удалось, да и умом он не блистал, а его хихиканье над моими шутками, прикрывая веером рот, меня жутко раздражало. Прожить всю жизнь с таким мужчиной? Нет, на такую жертву я была не готова. Выход был только один – я обратилась к деду, как старшему члену семьи, и все ему рассказала.

– Мне самому этот хлыщ не нравится, но он из родовитой семьи, и король наверняка одобрит ваш брак, – я помрачнела, если дед так говорит, то ему можно верить. – Да не хмурься ты, есть выход. Балы будут идти неделю, на это время я могу отложить принятие решения по твоему замужеству. Такой подход практикуется не один век, ведь на балах ты можешь получить более выгодное предложение. Так что, внученька, все в твоих руках, у тебя будет целая неделя на то, чтобы найти себя достойного мужа. Или придется выходить замуж за этого, как его?...

Как его? Да я сама забыла имя жениха сразу, и не плохая память тому виной, а количество букв в имени. Значит, это судьба, она говорит мне, что не стоит даже воспринимать это недоразумение всерьез.

Подготовка к балам шла своим чередом: примерки, примерки, примерки. Я вымотала нервы портнихе еще в первую неделю, наотрез отказавшись от предлагаемых эскизов платьев. Они были очень красивые, по последней моде, но куда мне рюши и воланы, а так же розово-бежевая гамма. Понятно, что так принято одеваться молоденьким девушкам, впервые выходящим в свет, но уродовать себя в угоду моде – увольте. Так что, поругавшись с портнихой, матерью, отцом, я все-таки настояла на своем и выбрала модели для своих платьев из тех, что принято надевать молодым замужним женщинам, слегка их видоизменив. Также я отказалась от париков, пусть те, у кого нет волос, или они темнее исконных цветов королевства, мучаются с париками, а моим волосам мог бы позавидовать сам Августин. Но это я так говорю, на самом деле у него тоже были белоснежные волосы, как у моего отца и у меня. Наверное, этим мотивировалось всеобщее увлечение белыми париками.

И все же, как любая девушка, я волновалась, меня не пугало общество, я не боялась показаться несуральной, нет, я переживала, что не найду подходящего мужчину за столь короткое время. Странно, но почему-то у меня не возникало сомнений в том, что я смогу уговорить этого самого мужчину на мне жениться. Не то чтобы я считала себя первой красавицей, скорее, сумма приданого придавала мне такой уверенности.

И вот пролетели три недели в столице, сегодня бал. Работой в доме заняты все. Последняя подгонка платьев, парикмахерша пьет успокоительное, потому что она последней узнала, что ее работа над моим париком была напрасна. Слуги сбились с ног, конюхи начищают лошадей, во дворе подкрашивают карету. И над всем этим действием слышан громовой голос маменьки. Дед с отцом заперлись в библиотеке, прикрывшись срочными государственными делами, но я-то знала, что они просто спрятались от миледи Алисандры, ибо в своей жажде деятельности она была страшна. Я тоже порывалась затаиться в библиотеке, но меня туда не пустили. Милорд отец был строгих правил, он считал, что напиваться в присутствии дочери неприлично. При поисках места, где бы спрятаться до вечера, была выслежена маменькой и препровождена под надзором Наденьки и еще двух служанок к парикмахерше. Три часа пытки мне были обеспечены, радовал только чай с успокоительными травками, без них я бы уже кричала не меньше миледи. Все-таки мы с ней родственницы, хоть в этом страшно признаться даже самой себе.

Как бы надо мной не издевались, но глянув на себя в зеркало, я была вынуждена признать, что выгляжу превосходно. И пусть я не соответствовала канонам моды

(все-таки в двадцать один год грудь уже не спрячешь), но голубой цвет платья очень шел моим глазам. В общем, я была готова расставить силки своей привлекательности на достойных кандидатов в мужа. Кто же знал, что все мои ухищрения пропадут втуне. Нет, на меня кавалеров хватало, от желающих записаться на танец не было отбоя, но выбрать среди них мужа я не могла. Потому что они были копией моего потенциального жениха: парики, макияж, утонченные и возвышенные юноши со сложной душевной организацией.

У меня впереди еще неделя каждодневных балов, от этой мысли становилось тошно. Но я держала маску доброжелательности и скромности, как полагается девушке. Вот-вот должна была выйти королевская чета и открыть бал танцем, тут церемониймейстер выкрикнул смутно знакомое имя, кажется, мы ведем какие-то дела с этим герцогством. В бальный зал вошел мужчина. Он окинул собравшихся холодным взглядом и поджал губы. Я же смотрела на него, и мое чувство прекрасного просто умилялось. Мужчина не был красив, но уже то, что он был без парика, румян и пестрой одежды, выделяло его в лучшую сторону. Я на минуту забылась, излишне долго смотря на мужчину, он почувствовал мой взгляд, оглянулся, и наши глаза встретились. Мне стало неловко за свое внимание, немножко смутившись, улыбнулась ему краешком губ. Ответом мне стали изумленно приподнятые брови герцога, он даже пару раз оглянулся, как бы проверяя, нет ли кого за его спиной. Станный он какой-то, загадочный, вот с ним бы я потанцевала.

* * *

Двэйн Голлагэр, герцог Варрийский, тайный советник короля Августяна Третьего, с трудом сдерживал раздражение. И это он, человек, по лицу которого никогда нельзя было понять, о чем он думает. Всеми виной недавно состоявшаяся беседа с королем. Государь в свойственной ему манере, которая никак не подразумевала двойственную трактовку, напомнил герцогу Варрийскому об обязательствах перед родом. А если дословно передать слова короля, то выходило так:

– Чтобы к окончанию недели балов ты представил мне свою невесту, – распорядился Августян Третий, он же друг и двоюродный брат лорда Голлагэра.

Королю легко было приказать, а где ему, Двэйну, искать себе невесту, его не волновало. Около полугода назад Августин женился и был искренне влюблен в свою королеву, а она отвечала ему взаимностью. Двэйн желал им дальнейшего счастья, но старался реже появляться во дворце и попадаться на глаза королю в частности, потому что эта влюбленная пара пыталась осчастливить всех, кто еще не связал себя узами брака. Стоит ли говорить, что правящая пара даже не интересовалась мнением этих «осчастливливаемых».

Вот так и вышло, что он, первый жених королевства, но при одном имени которого девушки падают в обморок, вынужден был прийти на открытие Большого Бала. Сколько же лет он тут не был? Десять? Нет, восемь. Ему тогда исполнилось двадцать два, когда он, только что ставший тайным советником короля, сделал предложение самой красивой девушке на балу. Он был уверен в себе и отказ больно ранил его самолюбие, тем более что отказ был из-за его должности. Ему не раз впоследствии придется ловить на себе брезгливые взгляды знати, часто даже ниже себя по положению. Он к этому привыкнет, как, впрочем, и к страху. Его боялись, презирали, завидовали, не единожды пытались подкупить, но он всегда был на страже короля. И теперь этот друг, которому он всегда прикрывал спину, буквально кинул его на пики, имя которым девушки. Да он, Двэйн, забыл, как с ними разговаривать, ну не в допросную же волочь понравившуюся девицу и там под пытками требовать от нее согласие на брак? Двэйна передернуло от такой картины, впрочем, он всегда может попросить королеву найти себе невесту, она будет только рада. Это, конечно, плохой выход, все-таки хотелось бы, чтобы невеста сама дала согласие, но на крайний случай подойдет.

Герцог Варрийский вошел в зал предпоследним, не только в угоду статусу, сколько от желания побыстрее затеряться в толпе. Надежда не оправдалась. За эти годы он совсем выпал из богемной жизни знати, не следил за модой и сейчас выделялся в толпе придворных, как коршун среди пестрых куриц. Двэйн обвел глазами зал, задерживаясь на молодых девушках, одной из них предстояло стать его женой. Девицы, поймав его холодный оценивающий взгляд, бледнели, некоторые даже порывались упасть в обморок, те, что побойчее, прятались за родителей или кавалеров. Слухи о том, что главный «палач» государства ищет себе невесту, считай жертву, разнеслись быстро.

Раздражение все больше охватывало герцога, зачем он вообще пришел на этот бал, надо было сразу обратиться к королеве или самому королю, пусть ищут ему невесту. Ему, Двэйну, все равно кто из этих девиц на выданье будет его

ненавидеть. Он пересек почти половину зала, когда ощутил на себе чей-то взгляд. Это не было чем-то необычным, на него всегда смотрели. Но на этот раз в нем не чувствовалось ненависти, скорее любопытство. Он медленно обернулся, чтобы встретиться с теплым взглядом небесно-голубых глаз. Девушка смотрела на него с полуулыбкой, немного застенчиво. Это было настолько необычно, что Двэйн не удержался и оглянулся пару раз, вдруг она смотрит на кого-то за его спиной. Но нет, она смотрела на него, еще раз, как бы извиняясь, улыбнулась ему и отвернулась к сгрудившимся вокруг нее кавалерам. Если бы герцог Варрийский решал, к какой компании присоединиться, он тоже выбрал бы эту девушку. Она не была самая красивая в зале, но выгодно отличалась от других открытым взглядом, уверенной посадкой головы, приятной улыбкой. А еще Двэйна очень привлекали ее формы, за которые взгляд так и цеплялся. Может, жена – это не так уж плохо? Но кто она? Хоть он не жил светской жизнью, но знал все и обо всех, сказывалась специфика его работы.

Двэйн сделал круг по залу, возвращаясь к той девушке. Так, что мы имеем: натуральная блондинка, значит, древнего рода, уже хорошо. А если сопоставить крутящуюся неподалеку маркизу Алисандру Монфри, на которую девушка очень похожа, то это, скорее всего, ее единственная дочь. Породниться с Монфри, а точнее, с герцогом Анзорским, это ли не мечта всех родовитых домов? Но для Двэйна богатое приданое и наследный титул были не главное, своего добра хватает, его больше привлекало то, что девушка не испытывает перед ним страха. Вспомнилось, что говорили о чудесном выздоровлении этой девушки, кажется, она частично потеряла память. Мозг вопил об идеальном варианте, что нельзя упускать такой шанс, а то ведь найдутся «доброхоты», желающие поведать о нем кучу ненужных подробностей. Он еще не принял однозначного решения, а ноги уже несли его в сторону девушки. Двэйн отбрасывал панические мысли о том, что он будет делать и говорить, когда дойдет. Всегда можно пригласить на танец, а во время него собраться с мыслями и задать парочку вопросов.

* * *

Я скучала в кругу этих напомаженных и разряженных идиотов. За полчаса хоть бы один из них произнес умное слово. Не понимаю, почему они считают, что если родились богатыми, то ничем заниматься не надо, достаточно тратить деньги и жить в свое удовольствие? Но ведь это скучно. Украдкой подавила зевок. Очередной пересказ дикой охоты, рассказываемый еще одним охотником за приданым, вызывал только одно желание: поставить в качестве загоняемого

зверя самого рассказчика. Еще минута и я начну оглядываться в поисках спасителя. В фантазии это был герцог Варрийский, весь такой строгий, серьезный, надежный и даже то, что он был среднего роста, совсем его не портило.

Видимо, у меня промелькнула легкая мечтательная улыбка на лице, потому что рассказчик оживился, заулыбался и начал намекать, как приятно было бы видеть меня в его поместье. Тоже сказал «поместье», да их клочок земли больше чем огородом не назовешь. Мне достаточно было услышать имя потенциального кавалера, как в уме возникали циферки финансовой состоятельности его семьи, недаром же я провела весь месяц с дедом. Дед у меня советник короля по финансовым вопросам. Неудивительно, что так много желающих с нами породниться. А ведь в зале достаточно юных, красивых, трепетных созданий, я на их фоне выгляжу несколько старовато.

Стало немного грустно. Из всех виденных мной кандидатов мне понравился только герцог Варрийский, но, как назло, у него был и титул, и деньги, так что он мог выбрать себе кого-нибудь помоложе и покрасивее. Пойти съесть чего-нибудь сладкого с горя? Но не успела я открыть рот, чтобы мило попрощаться с «великим» охотником, как буквально передо мной появился предел моих мечтаний на сегодня.

– Леди Рибианна, разрешите пригласить вас на танец? – не знаю, получилось ли это случайно или герцог так подгадал, но зазвучала музыка, все зааплодировали, и я поняла, что король с королевой открыли бал.

– С удовольствием, Ваша Светлость, – присела я в реверансе, протянув ему руку.

– Не надо так официально, можно просто лорд Двэйн, – улынулся мне герцог, когда мы вышли в танцевальный зал. Странная это была улыбка, вроде он старался быть вежливым, но в тоже время ему нечасто приходилось улыбаться.

– Хорошо, лорд Двэйн, – улыбнулась я, с интересом разглядывая своего партнера по танцу.

Герцог был выше меня, коренастый мужчина с сильными руками и широкими плечами. Рядом с ним я чувствовала себя маленькой и хрупкой, приятно. А еще у него были русые волосы, которые он не прятал под парик, и серые глаза,

пронзительные, умные. Просто идеальный жених, осталось придумать, как за неделю добиться от него предложения. Сам танец был плавный, контролировать движения рук, и отсчитывать шаги было не нужно, да и у меня лучше получается, когда я думаю о чем угодно, только не о самом танце.

– Как вам нравится столица? – поинтересовался лорд с каменным выражением лица. Вспомнив привычку отца говорить с тем же выражением, я не обиделась.

– Понравилась, но я все же предпочитаю уединенный образ жизни. Все эти балы, скопление людей не для меня, – я прямо почувствовала, как герцог облегченно выдохнул.

– Я сам не любитель таких развлечений, даже когда позволяют государственные дела. Но сегодня я счастлив, что пришел сюда, – вежливо закончил он. – Как герцог Анзорский, в добром ли здравии?

– Спасибо, дедушка чувствует себя хорошо, – господи, о чем еще поговорить, ну не о погоде же? Хотя почему бы и нет. – А как у вас в герцогстве? Заморозки не сильный ущерб нанесли? А то вдруг надо готовиться к росту цен на зерно?

Что я несу? Мужчины не любят умных женщин, дед говорил, сейчас лорд сбежит к какой-нибудь наивной глупышке. Но герцог был порядочным и во время танца сбегать не стал, даже поведал мне сложившуюся на его территориях обстановку. Мы немного увлеклись, плавно перейдя с погоды и цен на зерно на лошадей. Оказалось, у герцога есть свой конный завод, по мужчине было видно, что о лошадях он может говорить долго, я в них не разбиралась, но верхом ездить любила. Так, слово за слово, и мы не заметили, что подходит к концу второй танец, если бы не герцог, я бы танцевала с ним и дальше.

– Леди Рибианна, с вами одно удовольствие разговаривать, время пролетело незаметно. Жаль, что сегодня мы больше не сможем потанцевать, но я надеюсь, завтра вы оставите первые два танца для меня?

– Видимо, государственные дела вынуждают вас раньше уйти с бала? – сама придумала для него подходящее оправдание, понятно же, что это просто предлог.

– Да, то есть, нет. Просто по традиции Королевских Балов молодые люди, не связанные помолвкой или браком, не могут танцевать больше двух раз вместе. Это неприлично, мне не хотелось бы вас скомпрометировать подобным образом, – мне было приятно, что он сказал это обычным тоном, без скорбного выражения на лице, как если бы я не память потеряла, а кого-то из родственников. Интересно, почему маман мне не напомнила об этом?

– Извините, я многие вещи не помню, особенно такие незначительные. Но мне тоже жаль, что существует такое правило. Я, конечно, оставлю первые танцы для вас, – я улыбнулась, танец кончился, и герцог повел меня к столику с напитками. Он о чем-то мучительно размышлял, было ощущение, что он взвешивает все «за» и «против».

– Леди Рибианна, можно вам задать личный вопрос?

– Задавайте, надеюсь, ничего нескромного вы не спросите?

– Не могу обещать, – несколько нервно усмехнулся он. – Леди Рибианна, что бы вы ответили, если бы я предложил выйти вам за меня замуж?

Хотелось сказать сразу «да», но расчетливая жилка заставила просчитать, чем мне это грозит. Навскидку герцог состоял из одних плюсов, но тогда почему он до сих пор не женат? Эх, если не знаешь весь расклад, доверься интуиции, еще одна любимая фраза деда. А что мне говорит интуиция? Сложно, ведь предложение он мне так и не сделал.

– Сделайте предложение и получите ответ, – шуткой попыталась уйти от скользкой темы.

Но герцог был не из тех, кого устраивает уклончивый ответ. Он обвел взглядом танцующие пары, девиц, подпирающих стенки, как-то поежился и повернулся ко мне.

– Леди Рибианна, я прошу вас стать моей женой, – опустил он передо мной на одно колено.

Неожиданно, я была уверена, что он еще пару дней подумает, взвесит варианты. Да и мне бы подумать, но судя по глазам, пронзительным, серьезным, он хочет услышать ответ сейчас. Как дед говорил? Довериться интуиции, а если она молчит? Да что тут думать, я весь вечер только на него смотрю.

– Я согласна, лорд Двэйн, – вложила ладонь в его протянутую руку. По крайней мере, мужем у меня будет настоящий мужчина, а не раскрашенный «петух».

* * *

Двэйн ходил по своему кабинету, невзирая на поздний час или, скорее, ранний, за окном светало. У него до сих пор не укладывалось в голове, как так вышло, что он помолвлен. Задавая свой вопрос Рибианне, он готовился к отказу, в лучшем случае ожидал уклончивое: «Мне надо подумать», или застенчивое: «Я не могу вам ответить без одобрения папеньки». В душе он был рад, что все так быстро разрешилось и можно заняться делами, ведь невеста найдена и даже одобрена королем. Потому что это первое, что он на радостях сделал: схватил Рибианну за руку и представил королевской чете, как свою невесту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-brodskih/vtoraya-zhizn-2-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)